

Стеклоянный ШАР

НАТАЛИЯ РОМАНОВА

Наталия Романова
Стеклянный шар

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Стеклянный шар / Н. Романова — «Наталья Романова», 2022

Легко поверить в сказку о Золушке, когда молода, красива и здорова. В тридцать пять, имея за плечами неудачный, опустошающий брак, в прекрасного принца уже не веришь. Даже если он всё же появился и оказывает тебе явные знаки внимания – не веришь всё равно. Потому что, в реальной жизни миллиардеры не интересуются скромными учительницами. Да и комфортно ли было самой Золушке во дворце? Так ли просто оказаться вдруг в совсем ином, непривычном мире?

© Романова Н., 2022

© Наталья Романова, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Романова

Стеклянный шар

Глава 1

Стылый ветер, не свойственный началу сентября, задувал под просторный кардиган. Лида поёжилась, запахнулась и поспешила в гостеприимно распахнутые двери супермаркета.

– Лидия Константиновна, здрасте! – раздалось за спиной, уже в ярко освещённом зале, среди прилавков с разноцветными фруктами – пёстрыми яблоками, сочными грушами, ароматными грейпфрутами и круглобокими, обещающими сочную, сладкую мякоть арбузами.

– Здравствуйте, – она оглядела подопечных. Вытянулись за лето, загорели. Семёнов и вовсе подтянулся, превратившись в интересного юношу. Не скажешь, что пару лет назад был худым, низеньким парнишкой, вечно хмурым и с сопливым носом.

– Мы из клуба идём, – затараторила двенадцатилетняя Маша, самая младшая в устоявшейся компании более старших детей. – Дверь закрыта, объявлений нет. Нас ведь не закрыли?

«Клуб» – муниципальный центр дополнительного образования для детей и подростков. Именно там, на второй работе – на должности заместителя директора, а по факту педагога – Лидия Константиновна познакомилась с ребятами.

– Нет, что ты, – Лидия улыбнулась, поспешила успокоить волнующуюся девчущку, пресекая нарастающий гул недовольства. – Клуб продолжит работать в обычном режиме, составлено расписание, вся информация на сайте. Приходите в понедельник.

– Хорошо. Спасибо! – понеслось разноголосое, где-то почти взрослое, где-то пищание, звонкое. – До свидания!

– До свидания.

Взгляд упал на краснобокие, на вид сочные яблоки. Смертельно захотелось шарлотки по бабушкиному рецепту, с корицей. Лидя выбрала несколько плодов, взвесила и, довольная, пошла вглубь супермаркета. Отлично. Вот и занятие на вечер нашлось. Придёт домой, приготовит ужин, испечет шарлотку – всё это под сериал, – перед сном почитает, и день закончится. А утром отнесёт остатки почти не съеденной шарлотки в центр психолого-педагогического сопровождения – основное место работы. Молодые специалисты будут рады лакомству.

Грохот чего-то падающего совсем рядом отвлек от выбора сыра. Лидя рефлекторно отскочила в сторону, огляделась. Стоявший рядом прилавочек-холодильник был сдвинут в сторону, толкались охранники, орали на кого-то внизу, находящегося за прилавком. Через секунду, буквально из-под ног здорового мужика в чёрной форме охраны рванул белобрысый пацанёнок, бросая на ходу недопитую банку с йогуртом. Розовая жидкость разлилась по полу, на ней тут же растянулся тот самый здоровенный охранник, изрыгая ругательства на весь белый свет.

Толпа зевак с интересом наблюдала, как четыре лба сначала ловят щуплого малого, а потом трясут его, под отчаянные мальчишеские вопли:

– Пустите, дяденька! Пустите! Больно, больно! А-а-а-а! Помогите!

Лидия не стала досматривать представление, быстро подошла к суетящейся толпе и потребовала объяснить, что происходит. Мальчишке на вид было лет десять, может быть двенадцать. Ветровка распахнута, карманы вывернуты, содержимое школьного рюкзака вывалено на пол. Не похож парнишка на вора, а если и стащил что-то – это не причина настолько вопиюще нарушать закон, применять физическую силу к ребёнку.

– Что происходит? – обратилась она к одному из охранников.

– Отойдите, женщина! – рыкнул тот в ответ.

– Я спрашиваю, что происходит?

– Вора поймали! Не видно, что ли?

– Всё, что я вижу – прямое нарушение законодательства.

– Да он полмагазина вынес!

– Я только йогурт взял, и шоколадку! – завизжал парень. – Вы права не имеете! – он продолжил выдирать собственное тщедушное тельце из лап охранника в форме с потёками злосчастливого йогурта.

– Так, – Лидии надоело представление. Смотреть на льющиеся слёзы мальчишки не было никаких сил, даже если это крокодилы слёзы. – Перед вами несовершеннолетний, в первую очередь вы обязаны вызвать родителей или опекунов ребёнка, потом представителей правоохранительных органов. Допрашивать, досматривать несовершеннолетнего гражданина без участия родителей, опекунов, педагога не имеет права никто, включая полицейских.

– О правах заговорили, – здоровенный уставился на Лидию, она на него. Пришлось задрать голову, но взгляда она не отвела. – Эти гады по мелочи полмагазина обнесли! Кто за это платить будет?

– Я заплачу, – прорычала Лида, нагнулась, подняла помятую грязную банку из-под йогурта. С клубникой.

Выхватила мятый батончик шоколада из ладони мальчишки, другой рукой схватила парнишку, ещё раз убедительно проговорила все статьи административного и уголовного кодекса, которые нарушили «блюстители порядка», и двинулась к кассам. Сердобольная старушка, топтавшаяся всё время конфликта рядом, причитая, собрала канцелярию из школьного рюкзака и протянула всхлипывающему парнишке.

– Голодный, поди, – вздохнула бабуля, зеваки сочувственно закачали головами. Время сложное, в стране кризис, сколько таких вот мальчишек и девчонок отирается на улицах, пытаюсь перехватить по мелочи, пока родители работают с утра до ночи за копейки. Ребёнок на то и ребёнок – ему сладкого хочется, шоколадок, жвачек, йогуртов.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил пострадавший парнишка на выходе из супермаркета. – Я пошёл, – на этом, видимо, запас хорошего воспитания закончился.

– Никуда ты не пойдёшь, – Лидия крепко держала за худое запястье. – Звони родителям, с ними отпущу.

– Отец на работе, – парень попытался вывернуться.

– Мама?

– Нету у меня матери, понятно?!

– Понятно. Не надо орать. Значит, звони отцу, – она и глазом не повела на заявление «нету матери», хотя сердце болезненно сжалось. Нету мамы... Бравирующему несчастьем пацану не нужна жалость. Ни показная, ни искренняя, никакая.

– Занят он.

Лидия Константиновна пригляделась к парнишке. Невысокий, щуплый, светлая чёлка, свисающая на тёмно-карие глаза. Одет чисто, со вкусом, не простенько. Совсем не похож на любого из подопечных Лидии Константиновны. Школьный рюкзак, наверняка, стоит дороже, чем вся одежда на ней, включая сумку с покупками и нижнее бельё. Явно из финансово благополучной среды мальчишка. Дети из таких семей в возрасте десяти – двенадцати лет не ходят по улицам без сопровождения. Сбежал из дома?

– Ничего, подождём, – Лидия Константиновна потянула за руку парня.

– Куда вы меня тащите?

– К себе домой, – она пожала плечами. Идея так себе, и с точки зрения логики, и с высоты закона. Но не отпускать же сбежавшего из-под родительского крыла ребёнка. Такие обижаются, отстаивают права, свободу, что-то бесконечно доказывают, по сути же являются одинокими,

несчастливыми детьми, стремящимися обратить на себя внимание. – Знаешь, чертовски хочу есть, – доверительно сказала Лидия. – Только завтракала, а время к ужину. Когда папа твой заканчивает работу?

– В семь, если в городе, – косясь с подозрением ответил парень.

– Вот и хорошо, после семи заберёт тебя. Ты ему пока сообщение напиши с адресом.

– Каким?

– Моим. Пиши, пиши.

Через двадцать минут опешивший Марсель – так, оказывается, звали нового знакомого Лидии Константиновны, – переступил порог её однокомнатной квартиры.

«Не жилось тебе спокойно, Лида», – хотелось сказать самой себе и отвесить звонкого леща. Внешне же сохраняла спокойствие, показала, где удобства, пригласила на кухню, великодушно предложила вчерашние щи, посмеялась над сморщенным лицом Марселя при упоминании слова «щи». В итоге, пожарили картофель-фри. Быстро сообразили пиццу: Лида нарезала ингредиенты, что нашлись из скудного запаса, сделала тесто, Марсель художественно выложил всё на противень.

Марсель ничего о себе не рассказывал, лишь обрывки, по которым можно было составить картину. Одиннадцать лет. Живёт с отцом в пригороде, в частном доме. Учится в городе. Занимается фехтованием. Школа, конечно же, дебильная. Фехтование – дурацкое. За городом жить – стрёмно.

К девяти вечера Марсель клевал носом, а Лида всё чаще поглядывала на молчавший телефон гостя. Она рассчитывала, что отец явится сразу, как только получит сообщения, прошло больше четырёх часов, но за парнишкой не приехали и даже не позвонили. Что же там за «отец» такой? И что теперь делать ей самой? С юридической точки зрения всё понятно. А с человеческой?

– Не хочешь телевизор посмотреть в комнате? – обратилась она к Марселю. – Рядом с ноутбуком найдёшь Эйч-Ди-Эм-Ай кабель. Я тут уберусь пока, – окинула глазами небольшую кухню. Поработаю.

– Ладно, – Марсель пожал плечами и скрылся в комнате, позабыв о собственном телефоне.

Самая большая удача была в том, что никакого пароля на навороченном гаджете не стояло, Лида быстро пробежала по сообщениям. То, что с адресом, было отправлено в черновики, а сам телефон переведён в авиа-режим. Едва зубами не скрипнула от злости. Вот засранец малолетний!

Быстро включила аппарат, тут же посыпались сообщения, несчастный аппарат разрывался от мессенджеров, пропущенных звонков, голосовой почты. Тут же набрала номер абонента с именем «отец» и через один гудок услышала взволнованный, мужской голос.

– Марсель?!

– Это не Марсель. Простите.

– Что с ним? Что с моим сыном?! Где он? С ним всё в порядке?

– Всё хорошо, – только и успела вставить Лида перед тем, как на неё снова обрушился поток вопросов. – Послушайте, вам лучше быстрее приехать, – бросила она в трубку и отключилась. Исподлобья на неё смотрели недовольные карие глаза.

– Сдала всё-таки, – рубанул Марсель. – Я подумал, ты нормальная.

– Послушай, твой папа волнуется, и...

– Ничего он не волнуется! Я пошёл!

– Нет, – Лида покачала головой, возражая. – Не пойдёшь, пока не приедет твой отец.

– Интересно, как ты меня удержишь?

– Дверь закрыта на ключ, ключ я спрятала, – соврала она. На самом деле ключ преспокойно лежал на тумбочке в прихожей – руку протяни.

- Я в окно вылезу.
- Четвёртый этаж!
- Плевать.

Так бы они и спорили, если бы не раздался звонок в дверь. Лида извернулась, быстро справилась с замком, распахнула дверь, через мгновение её с ног снёс человек в безликом сером костюме, следом вбежал ещё один, рванул вглубь квартиры, откуда раздался недовольный вопль Марселя.

– Простите, – по маленькой кухне, в одночасье ставшей ещё меньше, ходил отец Марселя – Фролов Иван Ефремович, как он представился, поблёскивая часами на запястье, модельной обувью, которую не потрудился снять, и разнося запах дорого парфюма по всему помещению. – Вы хотите сказать, что просто взяли чужого ребёнка и привели к себе домой? С какой целью?

– Полицию надо, – прогудел тот, что сбил Лиду в прихожей. – Там разберутся. Я звоню Милославскому?

– погоди, – нервно ответил Фролов... Иван Ефремович.

– А ты что скажешь? – Иван Ефремович посмотрел на сына, застывшего на табурете в позе побеждённого, но не поверженного раба при восстании Спартака.

– Ничего.

– Ладно. Всё. Домой, – отдал распоряжение Иван Ефремович, в том, что это было именно распоряжение, никаких сомнений не возникало.

Этот высокий, подтянутый мужчина с цепким взглядом серых, словно стальных глаз и редкой сединой на висках привык приказывать, он был уверен – его распоряжения исполняются точно в срок, без поблажек на любые форс-мажоры.

Через минуту ни гостей, ни следов их пребывания в квартирке Лидии Константиновны не было. Она устало поднялась, закрыла входную дверь, на всякий случай на два замка, оглядела своё жилище, будто видела первый раз: однокомнатная квартирка в панельном доме. Почти новый кухонный гарнитур, купленный по случаю в сетевом строительном гипермаркете. Плита, на которой ещё бабушка готовила, обои с изображением виноградных листьев, чахлый цветок на узком подоконнике. В комнате не лучше. Два потрёпанных кресла, их ещё драл почивший несколько лет назад старый кот Пират. Шкаф-купе на противоположной стене, с покосившейся створкой, от того не закрывающийся до конца. Ниша с расправленной кроватью, отгороженная от комнаты стеллажом, заставленным книгами, ненужными сувенирами, торчащими грамотами за добросовестный труд. Журнальный столик, телевизор, криво прибитые полочки, шатающийся выключатель, старая люстра. Югославская – с гордостью подчёркивала бабушка. Страны нет, а люстра – есть.

Глава 2

Всю неделю Лида не на шутку нервничала, ругала себя за помощь незнакомому парнишке. Нет, не за саму попытку, она была абсолютно убеждена в своей правоте там, в супермаркете, однако последующие события заставляли непроизвольно сжиматься и ждать неприятностей.

Кем бы ни был его отец, очевидно, при желании, он мог доставить массу неприятностей «похитительнице» сына. От уголовного преследования до увольнения с волчьим билетом с обоих мест работы.

Дело даже не в том, что на следующее утро её трижды – пока спускалась с четвёртого этажа – спросили обеспокоенные соседи про шум в квартире. И не в том, с каким энтузиазмом местные гопники рассказывали о двух «крутых тачилах», припарковавшихся ненадолго в их всегда тихом, непритязательном дворе.

А в ауре, которая витала вокруг Ивана... этого Ефремовича. Чёртовой ауре, которая никак не хотела выветриваться из тесной кухоньки однокомнатной квартирки, как, кажется, и стойкий запах парфюма. Игра воображения, не более. В размеренной жизни Лиды не происходило значимых, просто запоминающихся событий больше восьми лет, а здесь, за несколько часов – столько всего. Вот и мерещился парфюм, аура какая-то мистическая.

Очевидно, будь Фролов заинтересован в «наказании», минимум от профессиональной репутации Лидии Константиновны не осталось бы уже и воспоминаний. Нужно просто забыть произошедшее как дурной сон, продолжить жить своей степенной, как шаги галапагосской черепахи, жизнью.

В молодости Лиде, как и любой восторженной, верящей в лучшее девушке казалось, что жизнь полна если не чудес, то прекрасных событий. Подумать только, столько всего на свете существует! Континенты, страны, города, океаны, люди, животные, чувства, наконец. Любовь, надежда, вера в лучшее. Нет, не вера – убежденность в том, что лучшее обязательно произойдёт с ней.

Сейчас, спустя годы, Лида могла лишь пожимать плечами, вспоминая собственные мысли. Континенты, страны, океаны существуют, но вряд ли ей предстоит увидеть своими глазами хотя бы сотую часть из них. Скромного заработка раньше хватало на небольшие вылазки по родной стране, сейчас и об этих крохах впечатлений стоило забыть. Люди – везде люди. Какого бы цвета кожи и разреза глаз у них не было – всего лишь люди. Состоят из слабостей, страхов, иногда пороков, почти всегда одиночества. А чувства? Любовь? О любви для себя Лида не думала. Любовь – удел молодых.

Жизнь Лидии катилась из года в год, повторяя ежедневные события с точностью хронометра. Подъём, приёмные часы в центре психолого-педагогического сопровождения, беседы с обеспокоенными родителями, работа с детьми, ничего не значащие беседы с коллегами. Во второй половине дня – время в «клубе». Оживлённое, насыщенное событиями, впечатлениями девчонок и мальчишек от дошкольного до старшего подросткового возраста. Совместные театральные постановки на праздники, чаепития, экскурсии в периоды особой щедрости муниципалов. Но всплески радости, хорошего настроения, немотивированного оптимизма, которые приносила работа, были будто взяты напрокат. Стоило выйти за порог клуба, и Лида оказывалась всё в том же хронометрично нарезанном участке времени – в собственной жизни.

Иногда Лида свою жизнь сравнивала со стеклянным шаром. Никчемная, в общем-то, безделушка. В детстве плавно вращающиеся снежинки, окутывающие яркие фигурки, казались настоящим волшебством, со временем пришло понимание, что кружащиеся снежинки всего лишь пластиковая крошка в глицерине, а потом и вовсе сувенир превратился в ничего не значащий пылесборник.

Так проходили будни. На выходные она уезжала в благоустроенный дачный посёлок. Не потому, что любила природу или тяготела к грядкам. Там, в одноэтажном домишке, расположенном в глубине участка в шесть соток, постоянно жил родной дед Лиды, поселившийся там ещё до смерти бабушки. Общими усилиями они когда-то утеплили и укрепили дом, обновили печь, построили русскую баньку, два небольших сарая для хозяйственных нужд. В одном из которых бывший работник НИИ обустроил курятник и поставил несколько клеток с кроликами.

Деда, Анатолия Макаровича Кондрашова, Лида старалась навещать каждую неделю, привозила продукты, лекарства, наводила порядок в скромном быте пожилого человека. Летом честно отработывала повинность на грядках, несмотря на то, что дед никогда не заикался о помощи. Восьмидесятилетний Анатолий Макарович был бодр для своих лет, на здоровье не жаловался, но Лида никак не могла отделаться от ощущения утекающего времени, глядя на единственного родного человека, от страха за него.

Периодически она порывалась продать дачу, влезть в долги, купить квартиру недалеко от своей, – вернее той, что по закону принадлежала ей, а по совести, была дедушки с бабушкой, – перевезти старика поближе к себе и медицинской помощи. Дед истово возражал.

– Дедуль, – увещевала она время от времени хмурящегося старика. – Сюда скорая едет два-три часа. Ты ведь не молоденький у меня.

– Молоденький, не молоденький, смерть не выбирает, – отговаривался дед. Лида лишь вздыхала.

Прав дедушка, на все сто процентов прав. Смерть не выбирает. Родители Лиды погибли совсем молодыми, обоим не исполнилось тридцати лет. Они увлекались туризмом, особенно водным. Катамараны, байдарки, каяки. На одном из сплавов в горной местности и погибли. Лиде тогда едва исполнилось четыре года, она осталась круглой сиротой. Опекун над ней взяли бабушка с дедушкой – родители папы. Мама была из многодетной семьи, родственники с той стороны поначалу вспоминали о маленькой девочке – отпрыске многочисленного семейства, – но постепенно общение сходило на нет. Кое с кем Лида перекидывалась дежурными поздравлениями на Новый год или Рождество в социальных сетях. Большинство же родственников не знала ни в лицо, ни по имени. Дедушки с бабушкой с той стороны не стало в Лидины восемнадцать лет, об этом она узнала уже после двадцати. Позже поняла, что многочисленная родня боялась, как бы родственница не подала заявление на свою часть наследства. Словно там действительно было что делить.

Родная, воспитавшая Лиду бабушка погибла, когда Лиде шёл двадцать пятый год. На проселочной дороге от магазина домой, в том самом дачном посёлке, где по сей день жил дед. Сбил на мопеде вечно пьяный сосед. На мопеде! Почти середь бела дня! И не пришлось ехать в далёкие горы, везти спортивный инвентарь, тащиться сложным маршрутом. Сосед сам вызвал скорую помощь, полицию, полностью признал вину, калялся, был готов понести наказание. В итоге обошлось условным сроком. Дед пошёл на «мировую».

– Останутся дети сиротами, кому легче станет? – бубнил он под нос, потягивая портвейн из гранёного стакана. – Человека не вернёшь, а ребятам отец нужен.

Полностью соглашался с дедом муж Лиды, тогда она ещё была замужем. Правда, тот о чужих детях не думал, его интерес был прагматичный – деньги. Соседи продали крошечный участок, чтобы компенсировать моральный ущерб. На эту сумму впоследствии Олег – так звали бывшего мужа, – купил подержанный автомобиль, который и забрал после развода.

Через несколько лет Лида случайно встретила жену горе-соседа. Не стесняясь, та похвасталась, что с тех событий муж бросил пить. Ни грамма, даже не нюхал. Устроился на высокооплачиваемую работу. Квартиру купили – в ипотеку, зато просторную, всем места хватает.

Дети хорошо учатся в школе. Средняя дочь балетом занимается, большие надежды подаёт, старший сын в институт поступил. Что ж... Выходит, прав был дед.

Глава 3

Лида спешно шла домой, никаких срочных дел не было. В магазин тоже не нужно, когда живёшь одна, большую часть времени проводя на работе, продукты расходуются медленно. Подгонял пронизывающий ветер и начинающийся дождь. Пока капли задувало резкими порывами, брызгало на светлый плащ как из пульверизатора, но того и гляди ливанёт. Небо заволочило красноречивыми свинцовыми тучами. Так некстати напомнившими Лиде цвет глаз Ивана... Ефремовича.

На детской площадке напротив подъезда толкались мальчишки. Лидия бросила беглый взгляд, почти никто не знаком, кроме Вовы Петрова из тридцать пятой квартиры и двух новеньких ребят из клуба – приходили всего три раза на авиамоделизм, пока не обжились. Стояли, что-то эмоционально обсуждали, повышали голос, потом и вовсе в ход пошли толчки друг друга в грудь, живот – намечалась драка.

– Идите-ка по домам, – вмешалась Лида.

– Иди куда шла, тётя! – раздался ломающийся голос долговязого подростка.

– Не тронь её! – тут же вмешался Вова Петров.

– А то чо?

– Узнаешь!

И снова крики, ругань, начинающаяся драка, основной мотив которой звучал просто и старо, как двор, в котором всё происходило: «это наш двор», «это наша площадка», «это наша территория».

Когда на шум начали выглядывать в окна любопытные соседи, а местная гопота невзначай подтягиваться к месту событий, чтобы вмешаться в случае надобности, ведь и они считали, что отстоять «нашу территорию» – дело чести, конфликт Лидии удалось загасить. Долговязый парень с приятелями отправился восвояси, впрочем, не чувствуя себя побеждённым. Проигран бой, а не война.

Лида лишь вздохнула. Посмотрела вслед уходящей компании. Они пересекли двор поперёк газона с пожухшей травой, примятой начинающимся дождём. Перескочили через детские качели-кораблики. Бравирюя, пнули песок в яркой, установленной летом песочнице для малышей. Прошлись гуськом друг за другом по краю бордюра между проезжей частью и тротуаром. Замешкались, будто увидели что-то, остановились, с интересом разглядывая. Через секунду из прилегающих к тротуару кустов выскочил мохнатый комок, больше похожий на медвежонка, чем на собаку, рванул в сторону проезжей части, прямо под колёса желтогобокого такси. Двор пронзил визг, от которого застыла в жилах кровь.

Все, кто был на детской площадке, рванули к машине, там уже суетилась компания долговязого и таксист. Щенок отчаянно скулил, пытался подняться на лапы, заползал дальше от пугающей его суеты под дно автомобиля. Водитель бегал вокруг, ругаясь, что опаздывает на вызов, и чёрт с ним, с кутёнком. Мальчишки кричали, что не дадут отъехать с места, пока не вытащат щенка из-под колёс, долговязый распластался по грязному асфальту, пытаясь достать скулящего пострадавшего.

– Ник, ну что? – кричали ему со всех сторон.

– Давай, мы с той стороны, – спешил на помощь Вова Петров. – Тёмыч пусть лезет, он мелкий.

– Меня мать прибьёт... – плакал Тёмыч. – Форма но-о-о-овая!

– Эх, ты! – кричал кто-то, падая на колени, пытаясь нашарить несчастного щенка под брюхом автомобиля.

– Сейчас! – услышала Лида знакомый голос. Этот-то что тут делает? Снова сбежал от отца?

Неизвестно откуда взявшийся Марсель растянулся по земле, шлёпнувшись прямо в лужу, игнорируя светлую ветровку, стоявшую наверняка дороже одежды всех собравшихся вместе взятых.

– Тащите меня! Тащите! – раздавалось из-под машины, ноги в кедах с белой подошвой замолотили по асфальту, отбрасывая брызги из лужи. Марсель отчаянно пытался выбраться, елозя животом под автомобилем. Раздавался ужасающий скулёж щенка, от которого всем окружающим хотелось реветь в голос.

Долговязый схватил одну ногу, Вовка другую, подоспевший местный алкоголик потянул сначала за штанину, а потом за показавшийся ремень форменных брюк. Через мгновение, улыбающийся от уха до уха, в разорванной, грязной одежде, с расцарапанным от соприкосновения с асфальтом лицом, Марсель прижал к себе визжащий чёрно-коричневый комок и деловито сплюнул:

– Напокупали пузотёрок! Поехали, – это мальчишка бросил водителю такси.

На мгновение Лида увидела перед собой не грязного, тщедушного, белобрысого мальчишку, а его отца, от воспоминаний о котором нехорошо сжималось в груди. Настолько уверенно говорил Марсель, не принимая во внимание даже теоретическую возможность возражений. Водитель, как мышь, услышавшая дудочку, кивнул и отправился за руль. Галдящая толпа расступалась. Вот тебе и классовое неравенство с пелёнок. Рождённый исполнять, командовать не может.

– Вы поедете со мной? – вдруг обратился к Лидии Марсель.

– Зачем? Куда? – Лида понимала, что, скорее всего, в ветеринарную клинику... Скорее всего, но ведь не точно.

– Взрослый, наверное, будет нужен. Договор составить, и вообще... – будто смущаясь, пролепетал пацанёнок.

– Поехали, – Лида кивнула, забралась на заднее сидение, рядом устроился Марсель, так и не выпустивший притихшего щенка из рук. Мальчишка, явно боясь лишней раз пошевелиться, чтобы не беспокоить пострадавшего, нагнулся и зашептал слова утешения в мохнатое ухо, словно пёс мог его понимать. А может и мог? Притих ведь, пригрелся.

До первой ветеринарной клиники добрались через десять минут, Лида выскочила из машины, быстро изложила администратору суть проблемы, та ответила, что ни дежурных хирургов, ни рентгена у них нет, посоветовала несколько адресов, в том числе на приёме со светилом ветеринарии.

Уже через час это самое светило, оказавшееся мужчиной около пятидесяти лет, с выразительным именем Исаак Яковлевич готовил поступившего хвостатого пациента к операции. Оперлируемый оказался беспородным щенком примерно двухмесячного возраста, вряд ли домашним, колтуны на шерсти и блохи говорили о сложной судьбе малыша. Подопечный обещал вырасти в крупного пса, если, конечно, операция и реабилитация пройдут успешно.

По поводу операции Лида не сомневалась, пока сидела в приёмном покое, изучила регалии и клиники, и Исаака Яковлевича. А вот реабилитация... Требовалось пребывание в клинике не меньше полутора недель, плюс лечение, уход, медикаменты. На круг выходила сумма, равная отпуску на недорогом курорте. Кое-какие сбережения у Лиды были, но спускать их на безродного щенка, когда деду ежемесячно требуются лекарства, необходимо утеплить крышу домика, поменять плиту, купить обновки на зиму, в конце концов...

Тем не менее, она подошла к администратору, подписала необходимые документы, ознакомилась со счётом за сегодняшний день и покорно протянула пластиковую карту.

– Я заплачу, – раздавалось за спиной. Она обернулась, посмотрела на Марселя.

– У тебя есть деньги?

– Конечно, – пацан уставился на Лиду, как на ненормальную. – Вы не обязаны оплачивать лечение чужой собаки.

– А ты обязан?

– Я могу, – он пожал плечами и протянул карточку молчаливо наблюдающему за происходящим администратору.

Через минуту Марсель приложил пластик к терминалу, ещё через две двери вестибюля открылись, и в просторный, ярко освещённый зал вошёл Фролов Иван Ефремович, собственной бесподобной персоной, сверкая часами на запястье, безупречными стрелками на брюках и костюмом совсем не демократичного бренда. Окинул пространство серым, не обещающим ничего хорошего взглядом.

– Что здесь происходит? – Иван Ефремович остановился напротив сына, сканируя взглядом разорванную, грязную одежду, царапину на щеке, грязные волосы, наскоро отмытые в уборной клиники руки.

– Как ты меня нашёл? – набычился Марсель.

– Ты ведь не думал всерьёз, что смог отключить родительский контроль? Помимо того, что только что пришло сообщение из банка. Итак, повторяю вопрос: что происходит?

– Ничего, – Марсель демонстративно отвернулся.

– Это называется «ничего»? – Иван Ефремович окинул взглядом – от которого по телу Лиды пробежали нехорошие мурашки, – сына. Не хотела бы она быть родственницей Фролова или подчинённой.

– Не твоё дело, – мальчишка отступил на два шага.

– Послушайте, – наконец, вмешалась Лида.

– Какая встреча! – Иван Ефремович впился прожигающим взглядом в Лидию. – Снова вы! – сказано было таким тоном, будто она в пятый раз пустила под откос пассажирский поезд, набитый детьми и котятками.

– Марсель совершил благородный поступок, – собралась с духом Лида. Что он возомнил себе, этот Фролов? Кем бы он ни был, Лидии он абсолютно точно – никто.

– Я и пытаюсь узнать, что совершил мой сын, если вы обратили внимание, – проговорил Иван Ефремович, смотря прямо на Лиду.

Она сжала губы, вдохнула, выдохнула, напомнила себе ещё раз, что Фролов – посторонний человек. И сухо, в духе самого Ивана Ефремовича, рассказала всё, что произошло на её глазах. Не смогла ответить лишь на вопрос, что Марсель делал на улице в то время, когда должен был находиться на элективе по инженерному 3D моделированию в школе. Фролов-младший проигнорировал этот момент, будто тот его не касался в принципе.

– Молодец, – наконец выдал Иван Ефремович, потрепав сына по взлохмаченной, бело-брысой чёлке. – Всё правильно сделал. Не растерялся. Давно щенка забрали на операцию?

– Скоро должны закончить, – отозвался мальчишка.

– Значит, подождём.

Они действительно подождали, потом Иван Ефремович скрылся в кабинете Исаака Яковлевича, что-то снова подписывал у администратора, дополнительно оплачивал, задавал вопросы, а Лида боролась с желанием убраться подальше от этого места и особенно от Фролова с его стальным, пронизывающим, припечатывающим взглядом. Не смогла – Марсель, совершенно по-детски уснул на её плече, сопел, раскрыв рот, а ей было жалко будить мальчишку. Глупость, конечно. Но так и сидела, как приклеенная к обитой светлым кожаным телем кушетке, придерживая одной рукой парнишку.

– Ночами напролёт играет в компьютерные игры, – объяснил позже поведение сына Иван Ефремович.

И позвал на ужин в соседнее кафе. Все устали, голод давал о себе знать, приглашение звучало заманчиво. Лида долго сомневалась, правильное было уйти, но всё-таки пошла, видя

заинтересованный взгляд Марсея. Тому явно не хотелось оставаться с отцом один на один, а совместный ужин с Лидией Константиновной оттягивал неизбежные разбирательства.

Глава 4

Они зашли в сетевой ресторан. Ивану Ефремовичу было так же неудобно, как и Лиде, но, очевидно, по другой причине. Она не часто посещала подобные заведения. Редкие вылазки с приятельницами не в счёт, последний раз выбиралась в ресторан два года назад, почти три – перед новым годом. С коллегами изредка ходили в камерное кафе напротив клуба, в основном потому, что им разрешили приносить свой алкоголь – владельцем был отец троих детей, не первый год посещающих муниципальные кружки. Стоимость бутылки вина по ценам кафе, даже на пятерых, казалась неразумной тратой, со своим напитком счёт не так шокировал бюджетных работников.

Иван Ефремович же, похоже, никогда не заглядывал в подобные заведения, словно посреди миланских бутиков оказался в секонд-хенде. Он растерянно оглянулся, чем-то удивлённый, быстро сориентировался, вежливо обратился к хостес, и уже через пару минут они сидели за удалённым столиком напротив высокого окна с широким подоконником, уставленным растениями и деревянными яркими кубами, увитыми светящейся гирляндой.

Кто смотрелся более нелепо в интерьерах заведения со средним чеком, Лида затруднялась сказать. Она – в свитере из тонкого трикотажа и серых брюках, купленных на распродаже в прошлом году, или Иван Ефремович – весь внешний вид которого кричал, что он может купить всё меню, официанта, хостес и здание, в котором находится ресторан.

– Бургер и картофель-фри, – ткнул в красочное изображение Марсель – единственный из троих, кто чувствовал себя в своей тарелке, когда подошёл официант.

– Возьми что-нибудь человеческое, – Иван Ефремович посмотрел на сына в упор.

– И пасту с томатами, – недовольно буркнул мальчишка под почти одобрительный кивок отца.

– Сливочный суп с угрём, – неуверенно проговорил Иван Ефремович. – И филе судака... – он вопросительно посмотрел на официанта, словно не был уверен, что подадут именно судака, потом перевёл взгляд на Лиду.

– Поке с лососем, – произнесла она первое, на что упал взгляд.

Заказали чай, сок, морс, добавили пиццу. Официант отошёл, предупредив, что заказ подадут через двадцать минут, оставив после себя неудобное молчание. Не нужно было соглашаться на совместный ужин. Дурацкая идея.

Лида терялась под изучающим взглядом спутника, скользившим по ней с бесцеремонной основательностью. Не раздевая, нет, но цепко, будто замечал всё – и неудобно сжатые колени под столом, и сложенные в замок руки, и желание сейчас же встать и уйти.

– Я вас так и не поблагодарил, – проговорил Иван Ефремович, глядя на Лиду. – Спасибо, что помогли.

– Не за что, – она на секунду растерялась. – Щенку действительно была нужна помощь.

– Я про Марсея, про тот случай...

– А, ох, – спохватилась Лида. Собственные слова показались ей верхом нелепости, бестактности. Господи! Никто же не подумал, что щенок – это Марсель? Обдало жаром и одновременно леденящим холодом. – Не за что.

– В какой школе ты учишься? – чтобы хоть как-то сгладить неловкую паузу обратилась Лида к Марселю.

– Сто семидесятой, – толком не прожевав ответил парнишка.

– Математическая, информационных технологий? – уточнила Лида.

– Я сам поступил! – с вызовом взвился Марсель, словно Лида могла усомниться в этом.

Сто семидесятая школа, находившаяся недалеко от дома Лиды, набирала учащихся в пятый класс по результатам экзаменов. Конкурс не меньше, чем в МГУ, только никаких платных мест не предполагалось, как и поблажек при поступлении.

– Не сомневаюсь, – кивнула Лида. Директор сто семидесятой был на редкость принципиальным человеком, которого районный комитет по образованию терпел исключительно за заслуги его учеников, поднимающих статистику района на первое место по городу.

– Марсель очень способный, – кивнул Иван Ефремович. – Только ленивый и недисциплинированный, – добавил он твёрдо, сверля сына взглядом.

– Ну и что? – с вызовом ответил парнишка, пожал плечами и впился зубами в гамбургер.

В такой нервной, наэлектризованной обстановке прошёл ужин. Лида едва справилась со своей порцией и парой глотков зелёного чая. От предложения подвезти до самого дома категорически отказалась. Задержаться в салоне автомобиля, вдыхать аромат парфюма, чувствовать на себе взгляд Ивана... Ефремовича стало выше её сил. Нервное напряжение грозило вылиться в большую неловкость. Необходимо проветрить мозг и остудить тело. Именно тело, которое буквально плавилось под серым, свинцовым, пронзительным взглядом. Лида выбралась из авто и оставшееся расстояние прошла пешком, ёжась под мелким, морозящим дождём.

Дома сразу легла спать, сил не осталось даже на душ. Всю ночь по телу пробегали забытые мурашки, от которых Лида распахивала глаза и смотрела в темноту, вспоминая свинцовый взгляд, чёртову ауру – подавляющую, мужскую. Прикосновение ладони к ладони – вежливое, вынужденное. Иван Ефремович подал руку, открыв дверь машины, Лида протянула свою, не прятать же за спину, как в третьем классе. Зачем-то посмотрела на пальцы правой мужской руки – не мозолистой и одновременно твёрдой, надёжной, – остановившись на безымянном, что не осталось незамеченным Иваном Ефремовичем.

Господи, вот что она себе вообразила?! Обычное стечение обстоятельств, элементарная вежливость со стороны мужчины. Кто она такая – тридцатипятилетняя учительница с такой же неустроенной личной жизнью, как её жалкое жилище, а кто Фролов Иван Ефремович – владелец компании, занимающейся чёрной металлургией, входящей в первую десятку списка Форбс.

Надо взять себя в руки, выбросить из головы и самого владельца компании, и свинцовый взгляд, и безымянный палец без кольца. Всё пустое. Даже если Иван Ефремович свободен, во что не верилось абсолютно, Лидия Константиновна определённо не предел его мечтаний.

Утром Лида чувствовала себя разбитой, но всё-таки более уверенной, чем накануне вечером. Пришла даже нелепая мысль заняться, наконец, личной жизнью, чтобы внутренности не сжимались от единственного прикосновения мужской ладони. Ни на что не претендуя, как говорится, для здоровья. Да и на что она могла претендовать? Хорошие мужчины давно заняты, женаты или состоят в прочных отношениях. Остаются не пойми кто – либо злоупотребляющие алкоголем, либо странные личности, не выросшие из неформальных увлечений юношества – музыканты, экстрасенсы, отбитые на голову ЗОЖники, маниакально подсчитывающие БЖУ. Или просто бабники, которым, в общем-то, неважно, женат он или нет, такие всегда готовы покувыркаться со скучающей дамочкой. Лида никогда не рассматривала последний вариант, слишком хорошо помнила, каково это – оказаться обманутой женой.

Работа отвлекла, близился день учителя, самые младшие учащиеся кружков готовили небольшое выступление, приуроченное к празднику. Муниципалы организовали автобусную экскурсию на страусиную ферму – решение организационных вопросов и составление списков легло на Лидию Константиновну.

Вечером зашла в супермаркет, приготовила спагетти с беконом, посмотрела первые серии нового сериала – разочаровалась. Провалилась в чтение, уснула, утром начался новый день. Потом ещё один и ещё. Всё становилось на круги своя. Привычный стеклянный шар.

В четверг, перед закрытием клуба, выпроводила упрямо задерживающихся мальчишек. Лида прекрасно понимала – многим не хотелось идти в неудобные квартиры, комнаты в общежитиях коридорного типа, сталкиваться с измотанными, недовольными, а то и пьяными родителями. Выдохнув, она устала в монитор компьютера. Совсем немного, и можно будет идти домой, по пути заглянуть в аптеку, заранее купить продукты, приготовить вещи – завтра сразу после работы ехать к деду. Он, конечно, бодро отвечал по телефону, что в помощи не нуждается, только Лида не верила. Как минимум, необходимо суп на неделю приготовить, иначе будет питаться вермишелью с бульонным кубиком.

В дверь позвонили, Лида посмотрела в видеодомофон, не поверила глазам, открыла и встала из-за стола, одёргивая на ходу тот же, что в ресторане, свитер.

– Добрый вечер, – поздоровался входящий. – Не помешал?

Лида в недоумении смотрела на Фролова, на розы в органзе и сизале. На редкие капли дождя в волосах зашедшего – клуб находился во дворе жилого дома, рядом с двумя детскими площадками, от стихийной парковки нужно было пройти пешком.

– Нет, – голос прозвучал хрипло, захотелось прочистить горло.

– В прошлый раз всё смазанно вышло, – начал Иван Ефремович. – Спасибо ещё раз за помощь, – он протянул букет, сделав пару шагов к замершей Лиде. – Мы с Марселем навещали Борща, сейчас он на тренировке, а я...

– Борщ? На тренировке? – Лида решительно ничего не понимала. Начиная с присутствия Фролова в стенах муниципального клуба с доской объявлений и стенгазетой с корявыми рисунками, заканчивая розами, которые он так и держал в вытянутой руке перед ней.

– Простите. Борщ – так называли щенка, которого спасли, а на тренировке Марсель.

– Странная кличка.

– Марсель дал, – хмыкнул Иван Ефремович, напоминая шелестом сизаля, что не помешало бы всё-таки принять букет.

– Спасибо, – очнулась Лида. – Вы проходите, – она показала рукой на дверь кабинета. – Чаю хотите? – продолжила, соображая на ходу, что вряд ли представители списка Форбс пьют дешёвый чай из пакетиков.

– Нет, спасибо, – подтвердил мысли Лиды гость. – Скажите, Лидия... Константиновна, – неловкая пауза повисла в кабинете, стало слышно тиканье настенных часов, шуршание системного блока компьютера, капли усиливающегося дождя по окну. – Могу я вас пригласить?

– Куда? – Лида отступила на пару шагов.

– Ресторан, театр? Завтра, например?

– Нет! – выпалила Лида, с облегчением поняв, завтра она никак не может.

Театр абсурда какой-то! Ресторан с Фроловым? Продать почку, чтобы купить подходящее случаю платье?

– Извините, – осёкся Иван Ефремович, свинцовый взгляд впился в Лиду, припечатывая к месту. Он словно не верил тому, что слышит. Лида и сама не верила в происходящее. Она не могла отказать такому человеку, вернее, такой человек не мог пригласить её... Вернее... У неё дача... Дедушка... Варенье из облепихи...

– Мне на дачу надо, – почему-то оправдываясь, пролепетала Лида.

– Оу, – выдохнул Иван Ефремович. – Далеко дача?

– В сторону Осиновки.

– Тогда в следующий раз?

– Да-да, конечно, – почему-то согласилась Лида.

Впрочем, понятно почему. Иван Ефремович говорил тоном, не терпящим возражений, словно она была его подчинённой. Интересно, ему когда-нибудь отказывали? Партнёры по бизнесу, банки, женщины? Свинцовый взгляд сквозь едва прищуренные веки, заставляющий

замирать, невольно ждать указаний. Парфюм, который хотелось вдыхать полной грудью, ближе, ещё ближе, у самой кожи. Аура, невольно делающая пространство вокруг меньше.

Они так и стояли, друг напротив друга, на расстоянии меньше вытянутой руки. Лида, опустив руки, держа одной тяжёлый букет, и Иван... Ефремович, возвышаясь больше чем на голову, сканируя взглядом всё, чем стала Лидия Константиновна за тридцать пять лет жизни.

Невысокая, худая для своего возраста, светловолосая, с немного кукольным, бесцветным лицом. Ничего яркого, заметного, обращающего внимание, того, за что по обыкновению цепляется мужской взгляд. Лида была натуральной блондинкой, поэкспериментировав в молодости с цветом волос и причёской, сейчас она прокрашивала пряди на тон светлее, оставляя длину по плечи, понимая, что выглядит старомодно. На работу подкрашивала брови и ресницы, пользовалась светлой помадой, оставаясь блёклой.

Ноги под брюками были стройными, живот нерожавшей, худой женщины оставался упругим, бёдра имели приятные округлости, а грудь была небольшой, аккуратной – только всего этого не разглядишь под свитером до середины бедра и серыми шерстяными брюками. Она и не хотела, чтобы разглядывали. Период, когда смертельно хотелось мужского внимания, сразу после развода, стремительно пролетел, оставляя после себя странный шлейф неприятия себя в новой, непонятной роли.

А потом... Потом Лида перестала обращать внимание на внешность, на реакцию окружающих мужчин, привыкла к тому, что всё, что говорил ей муж, оказалось правдой – неинтересная, тусклая. «Чамрочная», как охаживала бывшая свекровь.

– Мне пора, – услышала она сквозь вату, с удивлением почувствовав прикосновение мужских пальцев к своему виску, заправляющих прядь волос за ухо. – Тренировка закончится через десять минут.

– Да, – Лида кивнула.

– До завтра.

– До завтра.

Лишь дома – после очереди в двух аптеках, похода в супермаркет, укладывания вещей в рюкзак, а запаса провизии в тележку-сумку яркой, разлаписто-красной расцветки, чтобы хоть немного отличаться от бабок в электричке с точно такими же агрегатами – Лида задумалась над смыслом слов «до завтра». Почему «до завтра»? Сердце бешено колотилось, руки тряслись, она не верила в происходящее, пыталась включить здравый смысл, подключала всю циничность, на которую только была способна.

Представить, что Иван Ефремович заинтересовался Лидой, никак не получалось, только если в качестве подопытного зверька. Секретарша, модель, горничная-тайка случались, а вот чамрочной училки не было. Экзотика.

Комплексы? Скорее трезвая оценка ситуации. Лида – такая, какая есть. За всю жизнь она всерьёз заинтересовала только бывшего мужа, и того ненадолго. Несколько попыток ухаживаний со стороны женатых можно не считать, этим особям всё равно с кем спать, лишь бы позволили. Дежурные комплименты от коллег мужчин и расхлябанные – от местных алкашей вовсе учитывать смешно.

Что, чёрт возьми, Фролову от неё нужно? В желание секса с собственной персоной она не верила. В то, что мужчину из списка Форбс интересуется «богатый внутренний мир» женщины «из народа» – тем более.

Глава 5

На дачу Лида собиралась хаотично. Заскочила домой, поймав себя на пылающих щеках, решила было, что заболела, лихорадит, хотя умом понимала – всё дело в волнении. В злощастном «до завтра». Целый день дёргалась, выглядывала в окно, прислушивалась к голосам в клубе, ожидая твёрдый, при этом с накануне проскочившими бархатистыми нотами голос. По дороге домой нервно оглядывалась, ругая себя, у подъезда остановилась, оглянулась, замерла, ожидая чего-то, только потом приложила «таблетку» к кнопке домофона.

В ветреную, дождливую погоду на дачу Лида всегда надевала купленную лет семь назад ветровку-парку цвета хаки. Длинной по колено, с капюшоном, множеством тесемок, заклёпок на поясе, рукавах, у шеи – никакая непогода не прорвётся. Сейчас почему-то выбрала легкомысленную стеганую курточку и такие же пудрово-розовые текстильные кроссовки. Дважды почистила зубы, крутилась у зеркала, вспомнила о тоне для лица, духах, купленных на прошлое восьмое марта – если верить консультанту, то аромат составляли белая фиалка, гелиотроп, сирень, мускус, кала, амбра и ваниль, – быстро нанесла блеск для губ. Долго смотрела на себя в зеркало, не узнавая в женщине с блеском глаз, с взлохмаченной причёской себя, в итоге разозлилась, умылась, не снимая верхней одежды, и рванула на улицу. Электричка через сорок минут, времени оставалось в обрез.

Дурость! Дурость! Дурость! Навоображала себе. Придумала.

Рюкзак оттягивал плечи, тележка подпрыгивала на колдобинах дворового покрытия, считавшегося асфальтом, мелкий дождь сыпал в лицо. Носки кроссовок быстро потемнели, ветер пробирался под воротник куртки, обхватывая колющими порывами голую шею, волосы жили своей жизнью, то закрывая лицо, то вставая дыбом под порывами ветра.

– Лидия Константиновна, – услышала она над ухом у пешеходного перехода, ведущего к метро. От неожиданности подпрыгнула.

Иван Ефремович не спрашивал, не выражал удивление, сомнение, радость от встречи. Озвучивал факт, известный Лиде с начала осознания себя. Она – Лидия Константиновна.

– Слушаю вас? – Лида уставилась на стоявшего у раскрытой пассажирской двери мужчину.

На этот раз костюм на нём был другого цвета, наверняка другого модельного дома, часы другие, лаконичные, с кожаным ремешком, а парфюм тот же, и чёртова аура – сбивающая, дезориентирующая, – всё та же.

– Прошу, – это не прозвучало как приглашение, просьба, вопрос. Констатация факта. – Я велел своему водителю нарушить правила дорожного движения, – он показал глазами на светофор и зебру, перекрытую чёрным автомобилем, тоже другим. В ветеринарной клинике, в ресторане Фролов был на другой машине. Выше, больше, агрессивней вальяжного, роскошного седана, перекрывшего пешеходный переход.

Иван Ефремович подошёл к Лиде, забрал из рук тележку, снял с плеч рюкзак, устроил в багажнике, в котором, кажется, с моменты выпуска ничего никогда не находилось.

– Садитесь, – повторил он, Лида покорно забралась на заднее сидение, холодея внутри от происходящего, больше не похожего на обычную благодарность. Ни на что не похожее, кроме очевидного: Иван... Ефремович ухаживал за ней.

Лида вытянулась по струнке, пристраиваясь у окна, Фролов сел с другой стороны. Между ними, на светлой кожаной обивке лежал букет из пяти белых хризантем. Одиночные пушистые головки были уложены одна на другую, стебли перевязаны длинной лентой – просто, лаконично, такая же констатация, как всё, что произносил и делал Иван Ефремович.

– Вам, – он улыбнулся, машина плавно тронулась, Лида продолжала смотреть на цветы. Огромные шары источали сладко-горький аромат, перемешивающийся с мужским парфюмом

и её духами. В этом запахе хотелось искупаться, вывалиться, как кошка в валериане, а потом слизывать с себя остатки.

– Спасибо, – Лида выдавила сдержанную улыбку, на большее не хватило.

Салон прорезал звук рингтона, Иван Ефремович прокрутил в ладони телефон, с раздражением нахмурил лоб, резко ответил:

– Фролов, – несколько мгновений были милостиво даны собеседнику перед тем, как безэмоционально произнести: – Позже.

Позже не получалось, следующие двадцать минут салон погрузился в слова, в которых Лида понимала мало или не понимала вовсе: обогащение, выплавка, прокат. Известковый флюс, коксовый газ. Стоимость чего-то на чём-то. Цифры, от которых могла закружиться голова, если иметь представление, о чём шла беседа. Валюта? Акции? Ценные бумаги? Цена за килограмм, тонну?

За это время водитель обернулся всего один раз, тихо уточнил, куда именно необходимо Лидии Константиновне. Именно так: Лидии Константиновне. Задал навигатору маршрут, через двадцать минут припарковался у вокзала, рядом приткнулся здоровенный внедорожник, видимо охраны. Водитель открыл дверь, достал тележку и рюкзак, вежливо помог устроить ношу на спине пассажирки, после чего она рванула в сторону пригородных касс, не понимая, на что надеется сильнее – опоздать на электричку, выйти с растерянным видом через десять минут, встретив на парковке седан Фролова, или умчаться подальше... От себя.

На электричку не опоздала, зашла в пятый вагон, устроилась у окна, наконец, выдохнула. Сердце истерично колошматилось о грудную клетку, руки подёргивались, дыхание сбивалось, чувственное волнение накатывало волнами. Лида обхватила холодными ладонями горящие щёки.

Фролов? Почему именно Фролов? Если начинать задумываться о плотской стороне отношений, то улыбчивый сантехник, на днях приходивший чинить смеситель, более реальная кандидатура. Иван Ефремович... точно так же можно вспыхнуть, представив в неоднозначной ситуации Дэвида Ганди, например. Дэвид не подвозил её к вокзалу, не дарил цветы, она не почувствует, каким парфюмом он пользуется, только Фролов не становится ближе от того, что всё это произошло.

Всё было странным, сюрреалистичным, пугающим. В голове, как вспышки, мелькали обрывки криминальной хроники, помноженные на мелодраматичные романы о любви, которые время от времени читала Лида, как сказки на ночь в детстве. Она крепко зажмурилась, попыталась выровнять дыхание, если продолжит в том же духе – появится на даче с шальным взглядом и румяными щеками, что вряд ли скроется от бабушки, которого совсем не хотелось волновать.

Вагон наполнялся, кто-то сел рядом с Лидой, вдавив в стену. Слышалось шуршание пакетов, кряхтение, сопение, недовольные переговоры – обычный набор звуков замкнутого, наполненного людьми пространства, – наконец электричка тронулась, Лида открыла глаза и провалилась в стальной, припечатывающий взгляд.

Иван Ефремович сидел напротив, его колени едва касались коленей Лиды, в руках расслабленно покоился букет, оставленный Лидой в машине. Голова наклонена, глаза прищурены, казалось, от его взгляда не ускользала ни единая деталь. Невольно, как-то сама собой, Лида дёрнулась, будто действительно планировала убежать.

– Вы забыли хризантемы, – спокойно сказал Иван... Ефремович.

– Как вы меня нашли? – голос прозвучал хрипло.

– В сторону Осинки в это время одна электричка.

– О, да, – пробормотала Лида, смотря, как тёплые пальцы легко обхватывают её ладонь. Поглаживают большим пальцем по тонкой коже, скользя к запястью.

– Я вынужден ещё раз извиниться, – продолжил Фролов. – Бизнес, к сожалению, не терпит.

– Понимаю, – она кивнула, словно разбиралась в бизнесе. Самое большое бизнес-предприятие, с которым сталкивалась Кондрашова Лидия Константиновна – сбор денег на дни рождения коллегам.

Фролов продолжал молчать, гладить ладонь Лиды. От места соприкосновения простреливали импульсы, растекаясь по телу приятным теплом. Если закрыть глаза, можно представить рядом симпатичного сантехника из ЖЭКа – простого и понятного мужчину. Вероятно, он не слышал о Лао-цзы, ничего не знает об известковом флюсе, зато с ним можно добираться на дачу на электричке, днём наводить порядок на участке, вечером натопить баню... Дыхание перехватило, Лида распахнула глаза, чувствуя, как внутренности опалает жаром.

Дурость! Дурость! Захотелось надавать себе по щекам. Не за мысли, сверкнувшие молнией, а за объект желаний. Пусть он и сам проявляет инициативу – всё равно это ненормально. Происходящее ненормально.

– Моя станция, – Лида увидела знакомые пейзажи, пора выходить. Иван Ефремович встал, выхватил знакомый рюкзак с полки, поднял тележку, двинулся, легко лавируя в тесном проходе, Лида шла позади.

В тамбуре, набитом пассажирами, как шпротами в банке, Лида протиснулась к дверям, не выпуская из вида Иван Ефремовича, тот прошёл за ней, разводя людскую толпу, как Моисей воду. Фролов смотрелся инородно в тесноте тел и баулов с колбасой и макаронами. Тренч поверх делового костюма, выглядывающие классические часы на запястье, когда поднял руку, опираясь на стену, закрывая собой спутницу от натиска толпы.

Электричка несколько раз сильно качнулась, Лида едва удержалась на ногах, была подхвачена сильной рукой под поясницу. Когда ход выровнялся, Иван Ефремович не поменял положения, нависал сверху, оставляя символическое расстояние между собой и Лидой, с каждой минутой сокращая сантиметры между ними. Она чувствовала не просто запах парфюма, а кожи, дыхания. Индивидуальный, интимный, тот, что позволено ощущать лишь самым близким. От этого кружилась голова, как и от тепла тела. Незнакомого, ошеломляющего чувства защищённости. От жара, полыхнувшего между ними. Рефлекторно, повинувшись природе, потому что разум парализовал бы тело, стоило нейронам выстроиться в ассоциативный ряд, Лида поднялась на цыпочки, приоткрыла рот, задерживала дыхание, в ожидании поцелуя. Электричку снова качнуло, щёку обдало дыханием, тело впечаталось в мужское.

Послышался характерный звук, двери распахнулись, впуская холодный воздух с улицы, заставляя очнуться от морока.

– Выходим? – услышала, как сквозь вату, хриплый голос Фролова.

– Дамочка, иди давай, чего раскорячились, – дебелия тётка пыталась оттеснить пару от двери, прорваться вперёд. Сдвинуть Фролова не удалось бы и танку, тётке пришлось ждать, пока выйдет он, держа одной рукой тележку и рюкзак, а второй подхватит Лиду.

Маленький перрон со ступенями по центру, через железнодорожные пути точно такой же. Вдали вокзал, больше напоминающий будку зрителя, из удобств, доступных пассажиру, крыша остановки да покосившаяся металлическая лавка.

Иван Ефремович огляделся, Лида тоже посмотрела по сторонам. Лес, разукрашенный в оглушающе-яркие цвета, в закатном солнце был удивительно живописен, как с картин Левитана, Поленова, выразительных мазков Кандинского.

– Электричка в город в четыре утра, – вздохнув, признала Лида.

– О, – Фролов удивлённо посмотрел на говорящую, будто на лбу у неё выросли крылья бабочки и сейчас трепетали, неся откровенную чушь.

– Здесь не всегда останавливаются.

– Хм...

– Связь только в посёлке, – добавила она, когда увидела озадаченный взгляд Ивана Ефремовича на экран телефона.

Странная ситуация, если не сказать, глупая. Представитель списка Форбс стоял на просёлочной дороге, вытоптанной людьми, машинами, редкими маршрутными такси. Интересно, такие люди знают, как пользоваться маршрутками, сколько стоит проезд, вообще, о существовании такого средства передвижения им известно?

– Вас, наверное, будут искать? – спохватилась Лида. – Марсель, охрана.

– Марсель знает, что меня нет в городе, – спокойно ответил Иван Ефремович. – Он дома, с гувернанткой и водителем.

Слова «Марсель» и «гувернантка» никак не складывались в одно предложение. Впрочем, его отец и место, где он находился прямо сейчас, тоже не укладывались в картину мира Лиды. До сего дня понятную, с разделением на бедных и богатых, здоровых и больных, на тех, кто ползает, и тех, кому от природы заложено летать.

Иван Ефремович молчал, не отрывая тёмного, стального взгляда от Лиды, от которого становилось неудобно, хотя, по всем законам, неудобно должно быть миллионеру, попавшему на железнодорожную станцию, где даже сотовая связь не берёт. Она понимала, надо пригласить Фролова. Наверняка, как только появится связь, он вызовет машину, вертолёт, ковёр-самолёт и скроется в своём мире, где всегда есть связь и нет раздолбанных маршруток. Однако, представить его в домике на шести сотках не могла.

Неловкость от всего, что происходило вчера, сегодня, несколько минут назад не давала открыть рот, выдать несколько слов. Лида забыла, когда ей оказывал знаки внимания мужчины, в общем-то, кроме мужа вспомнить некого. Сравнить Олега и Ивана... Ефремовича – всё равно, что сравнить рысака с ослом. И что делать с ослом, Лида представляла, а вот как обращаться с рысаком, не понимала. Единственное, что приходило в голову – отойти подальше, уступить той, что достойна. Претенденток поблизости не наблюдалось, даже дебелая тётка, вывалившаяся за ними изнутри электрички, кряхтя, забралась в старенький жигулёнок, поглядывая сверху вниз на бывших попутчиков, и скрылась.

Оставалась Лида. Фролов. И осенний лес мазками Кандинского.

– Приглашаю вас в гости, – неловко пробормотала Лида. Так же звучит предложение дружить в пятилетнем возрасте. Хотя, нет, в пятилетнем возрасте всё проще: «Давай дружить? Давай!» – Там точно есть связь.

– С удовольствием, – принял приглашение Иван Ефремович. – Я сразу вызову водителя, – оправдал он предположения Лиды.

Глава 6

Происходящее смущало Лиду. Невероятное, буддийское спокойствие Фролова в маршрутке. Беседа со случайно встреченной соседкой Тамарой Степановной – приятельницей бабушки, – та, не смущаясь, разглядывала спутника внучки покойной, назидательно предостерегла вслух:

– Смотри-ка осторожней. К Сергеевым такой же хлыщ захаживал, всё просил участок продать, а как получил от ворот поворот, дача-то и сгорела. Слышала, апартаменты строят за рекой? Дорогу через посёлок проложат, ваш дом на одной линии с Сергеевыми – там дорога и пройдёт. Митрич лично план видел!

– Буду осторожней, – буркнула Лида, для верности кивнув.

Тамаре Степановне, бессменно занимающей пост секретаря председателя, постоянно виделись заговоры против драгоценного СНТ, тогда как никому болотистый клочок земли между лесом и живописной речкой не был нужен. Апартаменты – элитный жилой комплекс благоустроенных, огромных квартир действительно строили на другом берегу речушки, с той же стороны был подъезд с трассы, ведущей в город, проведены коммуникации, в том числе газ, который в СНТ не провели. Никто не станет покушаться на сотки обывателей, прокладывая дорогу в три дуги, строить мост через реку, когда в округе достаточно удобных участков под строительство, однако Тамара Степановна – убеждённый адепт теории заговоров и от веры своей отказываться не собиралась.

Позже – присутствие Ивана... Ефремовича на участке дедушки. По тому, как Фролов оглядывал маленький домик, аккуратные грядки, теплицу, клумбы, хозяйственные постройки, было трудно понять, какое впечатление произвело нехитрое хозяйство пенсионера. Скорей всего он был в ужасе, но виду не подал.

Лида смотрела на тёмно-зелёный дом, с двумя окнами в торце, небольшой верандой с ромбовидными деревянными фрамугами в окнах, виднеющийся тюль в проёме двери – спасение от летающей живности, высокое, покосившееся крыльцо. Краска на фрамугах обновлена весной, сам дом красили несколько лет назад, цвет не успел выцвести, облезть. Привычно, аккуратно, почти добротню.

– Проходите, – Лида собралась духом, кивнула на дверь и остановилась у крыльца.

– Одну минуту, – согласился Иван Ефремович, Лида же заскочила в дом, проверить, всё ли там в порядке.

Надежды на то, что на потолке материализуется люстра из хрусталя, а полы станут мраморными, не было, хотя бы убрать разбросанную дедом одежду или садовый инвентарь посредине кухонного стола.

Дедушка сидел на диване-книжке у входа, водил пальцем по экрану телефона, что-то читал сквозь толстые диоптрии очков. Анатолий Макарович, несмотря на лета, освоил смартфон, пользовался интернетом, был подписан на исторические, военные ютуб-каналы, сверял посадки с лунным календарём и известным в узких кругах специалистом в области садово-огородных премудростей.

– Приехала, – утвердил дед, поднялся, чтобы поприветствовать Лиду и замер, глядя поверх её головы.

– Добрый вечер, – услышала Лида за своей спиной. В триллерах случаются напряжённые моменты, когда герой фильма понимает, что за спиной стоит опасность, боится обернуться, оттягивает неизбежность. Примерно это и почувствовала Лида, застыла внутри и снаружи, не в силах побороть неловкость.

– Добрый, – отозвался дедушка. – Коль не шутишь, – он перевёл вопрошающий взгляд на вдруг покрасневшую, как подросток, внучку.

– Фролов Иван Ефремович, – из-за спины Лиды появился гость, сделал несколько шагов к пенсионеру во фланелевой рубашке, заправленной в тренировочные штаны, протянул руку для приветствия.

– Кондрашов Анатолий Макарович, – ответил крепким рукопожатием бывший сотрудник НИИ. – Чего в дверях топчешься? – перевёл взгляд на внучку. – Приглашай гостя. А я, пожалуй, баньку затоплю, раз такое дело, – дедушка выразительно прокряхтел и скрылся за дверью.

– Простите, – Иван... Ефремович обратился к Лиде. – У вас не найдётся зарядки к телефону? – он протянул аппарат, Лида в недоумении посмотрела на модель, следом на спрашивающего. Он действительно думает, что у них может быть зарядка к такой модели?

– Вы не взяли зарядку? – зачем-то спросила она после молчаливого отказа. Конечно, он не взял зарядку, наверняка о зарядке телефона Фролова думает отдельно нанятый человек.

– Да, как-то не догадался, – смущаясь, проговорил Иван... Ефремович, нервно взлохматив пятернёй волосы.

– Возьмите мой, – Лида полезла в сумочку, чтобы протянуть телефон гостю.

– Спасибо, – он подержал смартфон всего секунду, вернул, вздохнув. – Не помню телефон водителя, не приходило в голову запоминать, – неуверенно добавил.

– Как же вы домой доберетесь? – опешила Лида.

– На электричке? – в унисон тону спрашивающей ответил Фролов.

– О, – она замерла. В истории с разрядившимся телефоном было много сомнительного. Несостыковок, натужности. Лиде показалось, что она общается не с сорокапятилетним самодостаточным мужчиной, а с подростком, ищущим оправдание прогулам. Промолчала. – Что ж, оставайтесь на ночь, – ответила единственное, что было уместно в данном случае.

– Спасибо! – искренне поблагодарил Иван... Ефремович.

Остался. Снял пиджак, устроил на спинке стула, часы положил на кухонный стол, поинтересовался, какая помощь требуется, у Лиды такового не нашлось, и Фролов отправился на улицу, к дедушке.

Лида металась по кухне, не понимая, что необходимо сделать в первую очередь. Устроить букет, подаренный Фроловым? Убраться, в надежде придать помещению приличный вид, или начать готовить? В итоге уселась на диван, чувствуя неясное опустошение. Почему, собственно, она волнуется? Она дома, на своей территории, гостей не ждала, а если бы ждала, вряд ли ринулась бы делать косметический ремонт в кухоньке, менять стеновые панели у столешницы на голландскую плитку, линолеум на паркет из ценных пород дерева. Лангустов и элитный алкоголь покупать бы не стала.

Ужин получился скромный, именно такой, какой планировала с самого начала, до появления Фролова. В ход пошли кабачки, урожай которых нужно было съесть, картофель, дежурные соленья, пожарила карасей – не зря дед наловил и почистил.

Ивана... Ефремовича дедушка быстро взял в оборот. Мужские руки требовались постоянно, от внучки никакого прока. Ничего особенного делать не пришлось: переложил инвентарь в «каптёрке» – так дед называл маленький сарай сразу у входа в баню. Подрезал несколько веток на фруктовых деревьях, тех, которые пенсионеру было не достать – не возраст уже на качающихся стремянках балансировать.

В завершении вечера Анатолий Макарович объявил, что банька натоплена, и выразительно крякнув, поинтересовался у внучки:

– Вместе пойдёте или как обычно? – «Как обычно» – это Лида в самом конце, когда пар почти сходил на нет. По этой причине дедушка редко натапливал баню в полную силу, ему возраст не позволял париться, Лида просто не любила. – Хорошо накочегарил.

В «хорошо накочегаренную» баню Фролов отправился один. Лида моргала, как сова, когда дед сунул ей чистое полотенце и простынь в руки:

– Иди, отнеси человеку.

Человеку... В баню...

Дурость! Дурость! Парадоксальное сочетание форм – сюрреализм на отдельно взятых шести сотках.

Лида постучалась в предбанник, заглянула. Фролов сидел на лавке, задумчиво смотря на пол. Ноги босые, рубашка выпростана, руки сложены в замок. Она остановилась, не зная, что сказать. Как-то всё нелепо получается.

– Возьмите, – протянула она полотенце, простынь, мыло в упаковке. – Из двери немного дует, но на втором полке не чувствуется, – добавила она.

Фролов встал, подошёл, забрал то, что протягивала Лида, отложил в сторону, замер в шаге от неё. Взгляд невольно упёрся в грудную клетку, опустился ниже, расстёгнутая рубашка открывала вид на мускулистый торс, упругие мышцы живота. Иван... Ефремович не был «качком», но очевидно следил за фигурой, обладая от природы атлетическим телосложением. Она нервно сглотнула, подняла взгляд, встречаясь со спокойным мужским, будто бесстыдно разглядывающие его женщины – норма. Впрочем, вряд ли привлекательного мужчину из списка Форбс возможно удивить, тем более смутить женским интересом. Была бы женщина... а то чамрочная училка.

– Извините, – буркнула Лида и выскочила из бани.

Следом последовал допрос бабушки о личности Ивана Ефремовича, Лида не знала, что говорить. Сказать правду? Кто поверит? Даже родной дед пренебрежительно хмыкнет, будто Фролов – воображаемый друг. Что поведал сам объект интереса, не пришло в голову уточнить. Последний раз врала деду про мальчика в седьмом классе, её пригласили на свидание, отчего-то стало стыдно признаться, что идёт она не к однокласснице, а в кафе-мороженое.

Благо, Фролов в бане задержался недолго, не успел зайти в дом, как дед вытолкнул запутавшуюся в показаниях мыться, заявив, что сейчас для его сердца и давления слишком жарко.

– Иди, – отдал он приказ. Лида отправилась, хватаясь за пылающие щёки. Несколько минут назад там, в бане, был Фролов. Обнажённый.

Дурость! Нужно перестать думать, а когда гость уедет – забыть, как забывают о неудачных свиданиях с сайтах знакомств. У Лиды опыта не было, colega время от времени делилась впечатлениями, иногда смеясь, порой вздыхая. Лидино гостеприимство вызывало испанский стыд у обоих участников. Неизвестно кому более неловко, гостю или хозяйке.

В дом вернулась почти сразу, имея дома ванну, мытьё в русской бане не понимала. Когда была замужем, баня ассоциировалась с шумными гостями, горой еды, которую необходимо готовить, чтобы не ударить в грязь лицом, и Олег мог с гордостью хвастаться «своей». Мол, серая мышь, конечно, зато хозяйственная, услужливая. Сокровище, а не жена.

– Такой супец точно в одиночку хлебать будешь, – одобрительно кивал брат Олега, бросая скабрёзные взгляды на невестку. Лида не сразу поняла, что значат эти слова, а поняв – не пришло в голову обидеться. Правда ведь...

На кухне усталилась на Ивана... Ефремовича в тельняшке деда. Чистой, даже новой – оторванная этикетка валялась на кухонном столе, – абсолютно чужеродной Фролову, как телега андалузской лошади.

– Спасибо, всё очень вкусно, – похвалил кулинарные способности хозяйки Иван... Ефремович, когда бабушка засобирался в баню. Это были первые слова после диалога о телефоне, остальное время он общался с Анатолием Макаровичем или молча наблюдал за Лидой, от чего становилось не по себе, хотелось развернуться, уехать в город, уйти пешком, раз электрички не ходят. Провалиться сквозь землю, как вариант.

– Спасибо, – кивнула Лида и уставилась на картофель. Овальной, вытянутой формы, с аккуратно вырезанными глазками, отварной.

– Лидия Константиновна, извините, не предполагал, что так получится, – он вздохнул.

– Ничего страшного, с любым может случиться.

С ней случилось. Сидит на табурете в кухне дачного домика, беседует с владельцем предприятий чёрной металлургии, видела его голый живот, мышцы, те самый, косые, что уходят под пояс брюк.

– Здесь уютно, – ответил нелепым комплиментом Фролов. – Я один воспитываю сына, – без всякого перехода продолжил, заставив Лиду посмотреть на собеседника. – Оказалось, это довольно сложно...

– Его мать?.. – не хотелось произносить вслух страшную догадку, однако не она начала этот разговор.

– Нет-нет, с Мишель всё отлично, – натужно улыбнулся Фролов. – У нас был короткий, яркий роман. Знаете, как вспышка. Слепление, мгновенное отрезвление. Мишель – увлекающаяся натура, склонная к театральности. Когда мы познакомились, Марселю не было года, отец неизвестен, мне, во всяком случае, неизвестен. Мы оформили отношения, ребёнка я усыновил. Через четыре месяца Мишель увлеклась Кузнецовым – это хоккеист из НХЛ, позже был теннисист и норвежский биатлонист, за этим она рванула в Европу. Или за теннисистом? – широкая улыбка продемонстрировала идеальные зубы Ивана... Ефремовича. – Марсель остался со мной, его мать единолично решила, что так будет лучше для всех. Мы, естественно, развелись, и, несмотря на то, что Мишель гражданка Франции, через год мне удалось лишиться её родительских прав, поставив точку в нашей «вспышке». Время шло, я понятия не имел, как рассказать сыну о матери. Говорить о живой, цветущей женщине, что она умерла, язык не поворачивался, к тому же, не исключено, что однажды она приедет, вдруг вспомнив о ребёнке. Бывают отцы «полярники», «космонавты», о матерях не приходилось слышать. Марсель рос, иногда спрашивал о маме, скорее из интереса, почему у других детей есть мама, а у него нет. Приходилось находить отговорки: в командировке, у врача, в путешествии. Однажды надоело, сказал понятную для ребёнка четырёх лет правду. Удивительно, но он не расстроился, лишь уточнил, не уйдёт ли от нас тётя Лена – его няня. Елена Павловна по сей день работает гувернанткой, не знаю, как назвать должность. Бабушкой?

Лида внимательно слушала, иногда человеку необходимо выговориться. Может быть, оказавшись в непривычной обстановке, среди людей, с которыми жизнь больше не столкнёт никогда, сработал «эффект попугайчика». Фролов выговаривался, зная, что сойдёт на ближайшей станции.

– Марсель – отличный парень. В начальной школе были небольшие проблемы. Прекрасная школа, педагогический состав, сильнейшая программа, но Марселю стало мало знаний, которые давали. Платная школа не гарантирует, что все потребности ребёнка смогут удовлетворить. Поступил в частную школу Англии, одну из самых престижных. Парень был счастлив, грезил новым опытом, знаниями, какой-то фантастической программой по математике. Накануне отлёта случилось... – Фролов взлохматил пятернёй густые высохшие волосы, отчего лежавшие в беспорядке пряди напомнили воронье гнездо. – Не знаю, что ему понадобилось в ящике моего стола. Он нашёл документы на усыновление, в тот же день сбежал из дома. С помощью волонтеров нашли быстро. Наверное, нужно было отпустить его в Англию, но я испугался. Понимаете? Испугался потерять контакт с сыном. Он был настолько зол и разочарован, что... Не представляю, что бы он надумал, оставшись один на один со своей обидой. Сто семидесятая школа показалась неплохой альтернативой. Да, она не частная, не элитарная, в столовой кормят сосисками с водянистым пюре, отвратительной пиццей, но программа по математике – сильнейшая. Марсель поступил легко, его взяли на резервное место. Официаль-

ные вступительные экзамены мы, естественно, пропустили. Илья Абрамович – директор школы – пошёл навстречу, позволил сдать отдельно. В некоторых случаях он делает исключение, речь не о деньгах, а исключительно о способностях ребёнка. Казалось бы, радуйся! Но, нет. В первый же день одноклассники увидели, как Марселя забирает машина с водителем, нашлись знающие, что его приняли в резерв – и клеймо «блатного» не отмыть. Водитель стал забирать его с фехтования, тренировки почти каждый день, от школы три остановки на автобусе, но... Эти гадёныши, – сквозь зубы продолжил Иван Ефремович, – не дают прохода Марселю. Достается за всё: за имя, телефон, одежду, отличные оценки, победы на олимпиадах. Он младше всех в классе! Физически – самый маленький. Всё, чего я хочу – забрать его из этого ада, а он... не хочет. Считает, что должен победить, убедить. Доказать, в первую очередь себе, что чего-то стоит в этой жизни. Дерётся, прогуливает уроки, ворует мелочёвку в магазинах, курит, пропускает тренировки, скрывает, когда разбивают очередной телефон или рвут одежду.

– А педагоги, родители? – опешила Лида. – Чудовищная ситуация.

– Классный руководитель делает всё, что может, у меня нет претензий. Марсель часто сам провоцирует одноклассников, не мне вставать в позу оскорблённой невинности. Учителя прощают его из-за способностей. Родители солидарны с детьми: Фролову всё сходит с рук из-за денег отца, их талантливые чада не побеждают на конкурсах и олимпиадах, потому что всё куплено. Лично мной, как понимаете, – он усмехнулся.

– Похоже на зависть.

– Понимаю. И Марсель понимает. Знаете, иногда я готов дать денег за его исключение, но боюсь, станет хуже. Просто не понимаю, что со всем этим делать. Вариант мне стать беднее, а ему тупее просьба не предлагать, – криво улыбнулся Иван Ефремович.

– Я и не предлагаю.

Глава 7

Лида по обыкновению устроилась в своей комнатке. Других вариантов не было. Всего в доме было три комнаты и кухня. Одну занимал дед, вторая всегда считалась Лидиной, а в третьей хранился непонятный хлам, которым не пользовались последние лет пятнадцать, однако дедушка считал каждый гвоздь, моток тесьмы или кусок резины неприкосновенной ценностью.

Короткое время замужества «кладовой», которая, по факту, была самой просторной и светлой комнатой, пользовалась Лида. После развода перебралась обратно – в маленькую комнатку с одним окном, письменным столом, шкафом вдоль стены, двухъярусной кроватью и печкой, – самое отапливаемое помещение дачи. Уж очень холодной была большая комната, в прямом и переносном смысле.

Зимой в «детскую» перебирался дед, когда приезжала Лида, они спали в одной комнате, на двухъярусной кровати. Маленькое помещение быстро отапливалось, долго держало тепло. На остальное время дед устраивался в комнате, где раньше жил с погибшей супругой.

Сейчас в комнате детства Лиды, на втором этаже двухъярусной кровати, лежал Фролов Иван... Ефремович. Хозяйка же комнаты не находила себе места, ворочаясь с бока на бок, вздыхала, изо всех сил стараясь не шуметь, что со скрипучим матрасом было невозможно. До этого дня Лида не задумывалась о том, что кровать может издавать столько звуков одновременно.

Лежала, уставившись наверх, и думала, что, должно быть, сошла с ума. Всё происходившее с момента, как она встретила Фролова у пешеходного перехода, до той минуты, когда дедушка отправился спать со словами «разберётесь тут сами», было очень, очень странным.

Лида не могла быть готовой к тому, что останется один на один с человеком из списка Форбс. Ни к тому, что он окажется из этого списка, ни к тому, что это будет мужчина, ни тем более, что мужчина этот такой привлекательный.

Иногда, что греха таить, Лида мечтала о том, как останется наедине с мужчиной. Он будет целовать её, оставляя след от лёгких, почти невесомых ласк по всему телу. Она – отвечать смелым порывом. Только в грёзах мужчина был... обыкновенный, а сама мечтательница не одета в ночную сорочку по колено из плотного трикотажа, с широкой оборкой по подолу, и в шерстяные носки. Были в её арсенале и соблазнительные negligé, и очаровательные пижамы, только всё это оставалось в городе лежать на полках без дела. Дома Лида спала в футболках. На даче в простых сорочках, в любой момент можно выскочить на кухню или в уборную, без страха мелькнуть трусами перед бабушкой или соседями. Ночнушка – почти платье.

О том, в каком виде находился Иван... Ефремович, Лида старалась не думать. Хватило звука пряжки ремня и молнии на брюках, когда она лежала, уткнувшись носом в стенку, изображая спящую мышь. Происходящее до боли в подреберье напоминало то, что уже было с Лидой однажды. С поправками на возраст, но повторялось почти точь-в-точь.

Своё восемнадцатилетие Лида праздновала на даче, были приглашены школьные подружки, ставшие студентками, новые приятельницы с первого курса педагогического института, куда она легко поступила. Несколько молодых людей, в основном спутников подружек, за исключением пары одноклассников и Олега. Последний был старше всех, приехал за компанию с новым парнем Багузиной Марины – подружки детства.

Олег только переехал в большой город, до этого жил и работал в райцентре дотационного региона. Устав от безденежья, рванул на заработки, снимал на паях с коллегами комнату двенадцать метров, в ближайшее время собирался арендовать квартиру, а то и купить – так он говорил тогда.

Конечно, нелепо сравнивать тощего двадцатипятилетнего парня из провинции с дырой в кармане и сорокапятилетнего привлекательного мужчину из списка Форбс. Лида сравнивала. В ту ночь, когда все улеглись, Олегу досталось место на втором ярусе кровати в комнате Лиды. Почему вышло именно так, Лида тогда не задумывалась. Но испытываемое чувство неловкости, духоты от понимания, что совсем рядом посторонний мужчина, иррационального, неприятного стыда было схожи с тем, что она чувствовала сейчас.

Разница происходившего тогда и сейчас была разительной. Олег стремительно разделся до трусов, заставив именинницу густо покраснеть, взлетел на второй этаж и оттуда травил анекдоты. Фролов же выключил свет, тяжело, выразительно вздохнул, в полной темноте щёлкнул пряжкой ремня. Но неловкий стыд был тот же. Сильнее! В восемнадцать она была глупой девчонкой, знавшей о мужчинах по рассказам подружек. К совершеннолетию Лида подошла, не имея за плечами даже школьной влюблённости. В тридцать пять ей было стыдно не только за скромный опыт, но и за собственный стыд!

Тогда, после целого фужера шампанского, она уснула почти сразу, слушая в пол-уха приколы гостя, большая часть из которых заставляла смутиться, а не улыбнуться. Проснулась от жара, стало невыносимо горячо, особенно спине и тому, что ниже. Спросонок не сразу поняла, что Олег завалился рядом, задрал ночную сорочку, вдавился всем своим телом в обнажённое Лидино.

– Дай! – горячо дышал он в ухо, пока Лида в ужасе пыталась выбраться из мужских лап. – Разок, дай, – повторил он, стаскивая с неё бельё.

– Нет! Нет... – истерично зашептала Лида, выворачиваясь как уж, готовясь, если придётся, заорать на весь дом.

– Чего такого-то? – с обидой протянул Олег.

– Того, – Лида отползла подальше, насколько возможно на односпальном месте.

– Не было ни разу, что ли? – удивлённо ввернул гость.

– Нет!

– У-х-ф, – не то удивился, не то возмутился, а то и обрадовался Олег. Лида не поняла, важнее было то, что он отпрянул, выпростался из-под одеяла, отправился к себе наверх.

Первый раз с Олегом произошёл через месяц, в квартире бабушки с дедушкой, когда те уехали на дачу. Он купил цветы, торт «Прага» и бутылку сухого вина. А она не почувствовала ничего, кроме лёгкой боли и глухого разочарования. Потом, со временем, Лиде начала нравиться близость с Олегом, но самое первое, нестираемое воспоминание почему-то осталось о той, самой первой встрече с мужской похотью на первом ярусе кровати в собственной комнатке. Воспоминание о собственном стыде, страхе.

Сейчас, в третьем часу ночи, неудобное стеснение и неловкость от происходящего достигали пика. Лида вытянулась по струнке, положила руки на одеяло, дышала через раз. Иван... Ефремович был заинтересован в ней, может быть не в самой Лидии, как в человеке, женщине в широком смысле, но определённо не отказался бы от совместной ночи. На это выразительно указывали невербальные знаки за ужином и позже. Будь она даже слепоглухонемой черепахой, считала бы его желание.

Самым логичным действием было согласие. Желаящие провести с ней ночь не выстраивались в очередь, не заваливали цветами, не делали двусмысленных предложений. Если выбросить за скобки собственную скованность, Лида отвечала взаимностью Ивану... Ефремовичу. Зачем она изображала чугунный уют, не понимала. Вряд ли боялась разочарования, малейшие иллюзии гасились, не успев вспыхнуть в душе, осветив лучиком надежды. Точно не опасалась разочаровать Фролова, ему экзотический опыт нужен – отсутствие тотальной депиляции в интимном месте наверняка неожиданность для мужчины его положения, – последнее Лида понимала с долей иронии и грусти. Тем не менее, перешагнуть через себя не могла. Скажите,

пожалуйста, понадобились танцы с бубнами на четвёртом десятке. Осталось о торте «Прага» вспомнить и о кислятине, которая продаётся под видом сухого вина.

Не выдержав напора собственных мыслей, Лида выбралась из-под одеяла, нащупала в темноте толстовку, накинула поверх ночной сорочки, выскочила из комнаты, лишь на крыльце перевела дыхание. Чтоб Фролов провалился вместе со своими предприятиями чёрной промышленности, обогащением, выплавкой, прокатом, известковым флюсом и коксовым газом!

Нацепила кроксы, прямо на шерстяные носки, протопала по тропинке к бане, обратно, постояла перед клумбой с отцветающими астрами, обошла вокруг теплицы, резко обернулась, чувствуя на себе пристальный взгляд.

На крыльце ожидаемо стоял Иван... Ефремович, курил айкос, смотря в удивительно звёздное для дождливой осени небо, как в разгар августа на побережье Чёрного моря, переводил задумчивый взгляд на Лиду, а потом снова – в небо, будто искал среди созвездий ответ на нерешаемый вопрос. Звук сигнала телефона разрезал тишину ночи, уверенным движением Иван, тот, что Ефремович, достал аппарат из кармана брюк, на несколько мгновений осветил лицо, и двинулся в сторону Лиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.